

22 АПР 1969

Правда Украины
г. Киев

ВЕЛИКИЙ ОБРАЗ

Когда режиссер предложил мне однажды сыграть роль Ленина, у меня даже дыхание перехватило (хоть и давно это было, а хорошо помню). С обычной ролью справиться не всегда просто. А то — Ленин, фигура историческая, гений, любимец народа. Тут тебе не простится малейшая натяжка. Ведь что важно? Чтобы люди тебе поверили до конца, чтобы за таким человеком, которого ты создашь на сцене, они готовы были бы пойти, как шли они за Лениным. Ответственность огромнейшая. А я к тому же совсем молодой актер — чуть за двадцать мне.

— Подскажем, подправим. Решайся, — настаивал режиссер.

И я решился. С головой влез в ленинские тома. В Центральном музее Ленина в Москве обошел буквально все уголки. Даже в Мавзолее — нашей общенародной святыне — разрешили постоять лишнюю минуту. И все для того, чтобы ни на йоту не сфальшивить, создавая великий образ.

Перед самой войной я играл Ленина в пьесе А. Корнейчука «Правда» в Артемовском театре на Донбассе. Мы выехали с этой пьесой на гастроли в Краматорск. Как-то после спектакля зашел ко мне в гримерную пожилой человек.

— Ой, сынок, как вышел ты на сцену, меня какой-то волной обдало, чем-то родным повеяло. Ведь я с Ильичем беседовал так вот, как с тобой.

Слова старика звучали для меня высокой похвалой, пожалуй, даже незаслуженной.

Там, в Краматорске, меня и застала война. Теперь меня и многих моих коллег ожидал другой театр — театр военных действий. Я стал пулеметчиком.

Было трудное время. Морозная зима 1943 года. Наш взвод получил приказ удерживать высоту. Мы отбивали по 5—6 атак за день. И так почти целую неделю. Смешались часы и дни.

Туго было с едой. Немецкий снайпер косил наших товарищей, пытавшихся доставить на высоту еду в термосах. Приходилось есть кору, еловые шишки. Но высоту не сдали. Вечером на шестые сутки добрался к нам связной комбата и разрешил сняться. Высотку будут оборонять свежие силы. Во время отхода меня ранило в плечо и в ногу.

Этот эпизод я вспоминаю не случайно. Надо было мерить жизнь самой высокой мерой, надо было понять до конца, что слова, которые ты произносишь когда-то, со сцены, — это не только Ленина. Это твои собственные слова. За них ты отбивал по пять-шесть вражеских атак в день. За них и эти ранения.

О смерти в те жаркие дни не думалось. Но думалось о том, что если уж останешься жив, то и на сцене играть будешь иначе, так играть, как держали оборону на той безымянной высоте. Тогда же, в 43-м году, в госпитале, меня, старшего сержанта, приняли кандидатом в члены партии.

А в госпитале лежал со мной мой однополчанин, саратовец Иван Иванович Никонов. Говорили о наших родных местах. Он больше о Волге. Я ему о Полтавщине. Рассказал ему, что я актер, что до войны Ленина играл. Смотрю, задумался мой товарищ.

— Знаешь, дружка, — говорит он, — напишу-ка я монтаж «В стенах Сталинграда». И там Ленин будет, вроде вдохновляет наших бойцов на подвиг. Покажем раненым. А?

На постановку собрались все — кто на костылях, кто с забинтованной головой, кто с рукой в гипсе. Как примут наше госпитальное творчество люди, изголодавшиеся по искусству, оторванные от мирной жизни с ее театрами и кино?

Приняли на ура. Оно гремело по всему лесу, могучее солдатское «ура-ра!» Меня шупали, заставляли разгримировываться и перегривываться, словно не веря глазам своим. Это было потрясающее зрелище — нет, не то, что происходило на сцене, а то, как солдаты приняли постановку, как реагировали на нее, поднимая вверх костыли и забинтованные руки.

Четверть века с лишком прошло с той поры. После войны вернулся на сцену. Уже в Донецком театре имени Артема играл Ленина в погодных «Кремлевских курантах». Потом здесь, в Тернополе, в пьесе Ивана Микитенко «Як сходило сонце». До 300 раз посчастливилось выступать в этой ответственной роли.

Каждый раз — по-новому. Волнуешься перед выходом на сцену, как впервые: надо зажать людей ленинским жизнелюбием, его темпераментом, его убежденностью. А это требует, я бы сказал, большой душевной спрессованности, густоты образа. Той самой густоты, помните, о которой вспоминал в своем очерке Горький, передавая словами рабочих впечатление о речи Ильича: «Густо говорит». И вместе с тем даже на трибуне, помните, — никакой позы, никакой эффе-фектации.

Я часто встречаюсь с участником штурма Зимнего дворца Степаном Михайловичем Сачко, что изображен на фото в книге Д. Риды «10 дней, которые потрясли мир». Степан Михайлович видел Ленина в Октябрьские дни. И его советы для меня очень ценны. С ним вместе мы порой выступаем перед пионерами, перед студентами, учащимися техникумов, тружениками заводов и колхозов — он с воспоминаниями тех славных событий, я — с фрагментами из пьес о Ленине.

Выступаю и на массовых народных празднествах. И не только в Тернопольской области. Несколько лет назад я участвовал в таком торжестве в Черновцах. Даже многие пожилые туцулы, самые заядлые домоседы, в тот день спустились с гор, чтобы посмотреть на живого Ильича. А в Копычинцах на подобном празднике мы выехали на открытом газике, я перед тем в сельсовете загримировался. Старые галичане поносили шапки из уважения к вождю трудящегося люда. Тут зазвучал Государственный гимн. Все встали, надо и мне встать, а ногу в машине негде поставить. Спасибо шоферу — выставил свое колено, и я оперся на него своим. Мелочь, как будто, но и в ней я почувствовал то внимание, которое предназначалось не мне, а человеку, которого хотели люди видеть во мне сейчас, — своего Ильича.

С. ОНИПКО.
Заслуженный артист УССР.
Тернополь.